

© Е.В. Самушкина

Проблемы сохранения культурного наследия. Опыт Республики Алтай, Республики Тыва, Республики Хакасия

Ключевые слова: тюркские народы Южной Сибири, Республики Алтай, Тыва, Хакасия, суверенность, материальное и нематериальное культурное наследие, музейное строительство, сакральные территории

Статья посвящена становлению и развитию концепта «культурного наследия» в республиках Южной Сибири, анализу складывания подходов к управлению культурным достоянием в регионе. Культурное наследие рассматривается как процесс наделения объектов, практик и территорий особым статусом, связанным с сохранением исторической памяти и культурной самобытности коренных народов Алтай, Хакасии, Тувы. Показано, что становление режимов наследия было связано с процессами суверенизации в XX в. На новый уровень оно вышло с образованием республик Алтай, Хакасия, Тыва в составе Российской Федерации. Круг объектов, входящих в списки наследия региона, постоянно увеличивался. Особенности практик сохранения культурного наследия определили: пристальное внимание к феномену нематериального культурного наследия как проявлению самобытности, ссылки на древность традиций, связь общества и культуры с освоенными, освященными памятью предков территориями. В настоящее время наследие республик Южной Сибири рассматривается как основа самоопределения и консолидации национальных сообществ и одновременно как часть российского и, шире, мирового культурного пространства.

Введение

Понятие «культурное наследие» часто используется в научном и общественном дискурсе современной России. Ученые, представляющие различные дисциплины, широко трактуют этот термин; он фигурирует в программах по сохранению памятников истории, элементов ландшафта, произведений фольклора, в стратегиях национальной и этнической идентификации; используется в качестве аргумента в пользу сохранения традиционных ценностей.

Самушкина Екатерина Викторовна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН. e-mail: Khakassie@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0001-5481-3822>

Работа выполнена в рамках программы НИР, проект № FWZG-2025-0003 «Этнокультурные и этносоциальные процессы у народов Сибири и Дальнего Востока в XVII–XXI веках: формирование и динамика»

Для цитирования: Самушкина Е.В. Проблемы сохранения культурного наследия. Опыт Республики Алтай, Республики Тыва, Республики Хакасия // Антропологии/Anthropologies. 2024. No 2. С. 72–87, <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2024-2/72-87>

Известно, что активное освоение концепта началось с принятием Всемирной конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО в 1972 г. С 1976 г. начали работу Межправительственный Комитет по охране всемирного культурного и природного наследия, контролирующей выполнение конвенции, и Фонд всемирного наследия. С 1980-х годов происходило постоянное расширение круга объектов и практик, включаемых в эту категорию. СССР ратифицировал Конвенцию в 1988 г. Российская Федерация стала государством-участником Конвенции.

В настоящее время на уровне академического и широкого общественного дискурса обсуждаются различные трактовки «наследия». Известна концепция «наследие как процесс»; рассматриваются «режимы наследия»; наследие оценивается в контексте дискурсов индигенности, в социальном и политическом контексте (*Нора* 1999; *Лотман* 2001; *Артог* 2004; *Чанайтене* 2010; *Смит* 2013 и др.). Представляет большой интерес анализ практик сохранения наследия и «средовой подход», в рамках которого акцент с объектов историко-культурного наследия смещается на анализ их взаимоотношений с социумом и окружающей средой (*Козел* 2017; *Эник* 2017; *Веденин* 2018).

Что касается работ по изучению культурного наследия Сибири, то большая их часть ориентирована на музееведческий формат. Это исследования Л.В. Еремина, Т.С. Курьяновой, Е.А. Поляковой, Д.В. Маслова, Н.А. Томилова и т.д. (*Еремин* 2010; *Курьянова* 2013; *Полякова* 2015; *Маслов* 2017; *Томилов* 2018).

Данная работа посвящена анализу практик сохранения культурного наследия и режимов его наследования в рамках концепций, которые формировались на Алтае, в Туве и Хакасии (в настоящее время в республиках — субъектах современной Российской Федерации) на протяжении XIX–XXI вв. Авторские исследования являются частью долгосрочной программы отдела этнографии ИАЭТ СО РАН, которая осуществляется с 1990-х годов (*Сагалаев* 1991; *Павлова* 2012; *Октябрьская* 2013, *Самушкина* 2016, 2018 и т.д.).

Российские практики сохранения культурного наследия. Общий контекст

Оценка ситуации, сложившейся в Южной Сибири, опирается на исторический экскурс. Известно, что в России первые опыты сохранения древностей относят к XVIII в. Тогда, в том числе в ходе экспедиций в Сибирь, выявлялись и фиксировались памятники древности, составлялись описи церковного имущества. В ходе социокультурных и политических трансформаций XIX в. в обществе появился запрос на сохранение национальных ценностей. Разрабатывались методы сбережения «памятников старины». Создавались организации по изучению родного края. В контексте формирования национального стиля обсуждались «памятники зодчества». Это в дальнейшем послужило базой для принятия законодательных мер по охране культурного наследия уже в советской России (*Полякова* 2005).

В 1918 г. был издан декрет «О регистрации, приеме на учет и охранении памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений». Согласно декрету «Об учете и охране памятников искусства, старины и природы» 1924 г., категория «наследия» была расширена.

Она объединяла памятники архитектуры, истории, археологии, природные объекты (Полякова 2005: 45).

В 1920-е годы в стране развивалось краеведческое движение и музейные практики. В Западной Сибири возникли: Институт исследования Сибири (1919–1920 гг.), Общество изучения Тобольского края (1922–1931 гг.), Тюменское общество изучения местного края (1920-е годы), Общество изучения местного края в Горном Алтае (1924–1926 гг.), Общество изучения Сибири и ее производительных сил в Новониколаевске/Новосибирске (1925–1931 гг.), краеведческое общество «Урянховедение» (1925–1929 гг.) в Туве, Краеведческое общество при окружном отделе народного образования в с. Усть-Абаканское (1928–1931 гг.).

Основные тенденции в развитии краеведения и музейных практик были обобщены Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР «Об охране исторических памятников» 1933 г. Накануне его выхода в 1932 г. начал работу Центральный научно-исследовательский институт методов краеведческой работы. В 1955 г. его переименовали в НИИ музееведения. В советской стране, преодолевающей разрушения Великой Отечественной войны, объекты наследия стали рассматриваться как символы советского патриотизма и гордости за национальную культуру. В 1960 г. было опубликовано постановление «О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры в РСФСР». На первый план выдвинулась концепция действенного патриотизма. В 1966 г. НИИ музееведения расширил свои функции. Он стал институтом музееведения и охраны памятников истории и культуры (с 1992 по 2014 гг. существовал как Российский институт культурологии).

В 1978 г. был принят Закон «Об охране и использовании памятников истории и культуры», подтвердивший роль наследия в формировании общесоветской идентичности. Кодификация наследия сопровождала социокультурные преобразования в постсоветской России. В 1992 г. был создан Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия. В 2002 г. вступил в силу Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации». Согласно тексту закона, к объектам наследия были отнесены: «объекты недвижимого имущества (включая объекты археологического наследия) и иные объекты с исторически связанными с ними территориями, произведениями живописи, скульптуры, декоративно-прикладного искусства, объектами науки и техники и иными предметами материальной культуры, возникшие в результате исторических событий, представляющие собой ценность с точки зрения истории, археологии, архитектуры, градостроительства, искусства, науки и техники, эстетики, этнологии или антропологии, социальной культуры и являющиеся свидетельством эпох и цивилизаций, подлинными источниками информации о зарождении и развитии культуры» (Федеральный 2002).

В Конституции Российской Федерации (с поправками, принятыми в 2020 г.) признавалась обязанность каждого заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры. Российское законодательство в сфере культурного наследия учитывало отечественный и мировой опыт. В 2003 г. Генеральной конференцией ЮНЕСКО была принята Конвенция об охране нематериального культурного наследия.

Россия не ратифицировала этот документ. Но в результате масштабных исследований и анализа ситуации в 2022 г. был принят Федеральный закон «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации».

Под нематериальным культурным достоянием (наследием) понималась: «совокупность присущих этническим общностям Российской Федерации духовно-нравственных и культурных ценностей, передаваемых из поколения в поколение, формирующих у них чувство осознания идентичности и охватывающих образ жизни, традиции и формы их выражения, а также воссоздание и современные тенденции развития данного образа жизни, традиций и форм их выражения» (Федеральный 2022).

Российское законодательство в сфере культурного наследия активно развивалось на протяжении XX в., вплоть до настоящего времени. Оно имело яркую региональную составляющую, оценка которой на примере республик Алтай, Хакасия, Тыва определила содержание данной работы.

Исторический опыт сохранения культурного наследия на Алтае, в Тыве и Хакасии

Освоение культурного наследия тюркских народов Южной Сибири началось еще в XIX в. Так, с созданием Алтайской духовной миссии в 1830-е годы был инициирован сбор языкового и фольклорного материала, который использовался в практиках прозелитизма. При этом в качестве альтернативы традиционной культуре коренных тюркских народов (охотников и скотоводов) региона рассматривался оседлый, модернизированный по стандартам крестьянской культуры образ жизни. Но на аутентичных ценностях аборигенных сообществ настаивали представители движения регионализма — облатеники. Предприниматели, ученые, журналисты и литераторы, оценивая тенденции экономического и социокультурного развития Сибири, выступали за ее особый статус в структуре Российской империи. На рубеже XIX–XX вв. речь шла о сибирской идентичности, о «сибирском стиле» бытия и искусства. Синтез аборигенных и русских традиций определял одну из трактовок сибирского стиля (*Октябрьская* 2021).

Интерес к культурам коренных народов региона проявлялся в музейном движении. К концу XIX в. на юге Западной Сибири были открыты Минусинский, Енисейский, Красноярский, Барнаульский музеи. Их сотрудники занимались сбором предметов традиционной культуры коренного тюркского населения и пропагандой этнографических знаний; инициировали интерес к исследовательской работе среди местного населения. В сотрудничестве с Императорским Русским Географическим обществом, с краеведами и предпринимателями изучением региона занимались представители этнической элиты. Они отстаивали права собственных народов на культурную уникальность и самобытность. В среде национальной интеллигенции с пониманием и интересом относились к областнической концепции Сибири как особого культурного мира. «Восточная гипотеза» Г.Н. Потанина о влиянии кочевников на формирование евразийского культурного пространства и его положение об Алтае — колыбели древних цивилизаций — были популярны в региональном сообществе (*Сагалаев* 1991; *Красавина и др.* 2019; *Павлова* 2012; *Самушкина* 2016, 2018, *Октябрьская* 2021).

С началом XX в. вслед за Февральской революцией в Сибири активизи-

ровалось национальное движение. В Саяно-Алтайском регионе проводились съезды коренного населения; обсуждались проблемы самоопределения, сохранения культурного наследия, формирования системы образования на родных языках и т. д.

В ходе и по итогам Октябрьской революции тема «возрождения» народов Сибири приобрела первостепенное значение. В рамках советского курса их прошлое описывалось в мрачных тонах. В проектах социокультурной модернизации традиции служили синонимом архаики. Формировалась новая трактовка концепта «народной культуры», под которой понималась, прежде всего, творческая деятельность трудящихся масс. Обращение ранее угнетенных народов к прогрессивным формам культуры и быта расценивали как показатель успехов социалистического строительства. Эти дискуссии сопровождали административно-политическое структурирование региона: в 1922 г. была образована Ойратская автономная область (ныне Республика Алтай); в 1923 г. — Хакасский уезд, затем округ (с 1930 г. Хакасская автономная область; ныне Республика Хакасия). В 1921 г. была провозглашена независимая Народная Республика Танну-Тува; в 1944 г. она вошла в состав СССР как Тувинская автономная область (с 1961 г. Тувинская АССР, с 1991 г. Республика Тыва).

С опорой на принцип самоопределения формировалась советская культурная политика в регионах. Она состояла в том, чтобы «помочь возрожденным нациям... встать на ноги во весь рост, оживить и развить свою национальную культуру, развернуть школы, театры и другие культурные учреждения на родном языке, национализировать, т. е. сделать национальными по составу, партийный, профсоюзный, кооперативный, государственный, хозяйственный аппараты, выращивать свои национальные партийные и советские кадры» (*Сталин* 1950: 58–59). Актуализация народной культуры была призвана обозначить расцвет советских наций и народностей. С 1920-х годов по всей стране, в том числе на юге Западной Сибири, развернулось краеведческое движение. Музеи стали просветительными учреждениями. Они показывали «живые картины» истории и быта коренных народов.

Советская власть прилагала большие усилия к популяризации народной культуры. В 1917 г. при Наркомпросе была создана Коллегия по делам музеев и охраны памятников искусств, а в 1918 г. — музейный отдел. В 1921 г. было принято положение, согласно которому все музеи передавались в ведение Главного Комитета по делам музеев и охране памятников искусства, старины, народного быта и природы.

В период масштабных социокультурных преобразований была продолжена деятельность по развитию «сибирского стиля». Традиционное искусство коренного населения региона рассматривалось как часть общемирового наследия. Постигание его законов было способно дать мощный импульс в развитии культуры обновленной Сибири (*Павлова* 2012).

В 1930 г. в советской стране была проведена первая Всесоюзная Олимпиада искусств, которой предшествовали мероприятия на местах. Это был «смотр достижений» народов СССР, которые, не растеряв традиций, наполняли их советскими ценностями. В 1930-е годы для поддержки в регионах этих тенденций были созданы Институт художественной промышленности

и Фольклорная комиссия (в 1939 г. переданная в Институт русской литературы и преобразованная в сектор народного творчества).

С конца 1930-х годов борьба с сепаратизмом, национализмом, а позже с космополитизмом привела к свертыванию краеведческого движения и программ по сохранению культурного наследия. Но уже в 1948 г. Советом Министров СССР было принято «Положение об охране памятников»; в 1968 г. — положение «О мерах по дальнейшему развитию народных художественных промыслов». Возобновилась работа по комплектованию региональных музеев предметами традиционной культуры и искусства.

В Программе, принятой XXII съездом КПСС в 1973 г., значилось: «Исторический опыт развития социалистических наций показывает, что национальные формы не окостеневают, а видоизменяются, совершенствуются и сближаются между собой, освобождаясь от всего устарелого, противоречащего новым условиям жизни. Развивается общая для всех советских наций интернациональная культура» (Программа 1973: 16). Идеологема расцвета и сближения наций в условиях развитого социализма играла определяющую роль в развитии культурной политики. Постановление ЦК КПСС «О народных художественных промыслах» 1974 г. рассматривало их как часть культуры развитого социалистического общества. Конституция СССР 1977 г., подводя итог политических и социокультурных преобразований в стране, провозгласила построение развитого социалистического общества и образование новой исторической общности — советский народ, ориентированной на единую систему ценностей, при сохранении этнокультурной специфики.

Одновременно на национальном уровне разворачивалась дискуссия о природе народной культуры. Один из советских теоретиков культуры Л.Н. Коган подчеркивал, что «народной» следует называть культуру, «непосредственно созданную людьми физического труда — ядром народных масс каждой эпохи» (Коган 1983: 54). В связи с оценкой достижений социалистического общества было сформулировано положение о консерватизме художественных промыслов, но уже в 1980-е годы оценки стали меняться: народную культуру рассматривали как динамичное явление, соединяющее традиции и новации. Такая трактовка была созвучна принятой Генеральной Конференцией ЮНЕСКО в 1989 г. «Рекомендации о сохранении фольклора».

Переосмысливая отечественный и международный опыт, теоретики и практики сферы культуры в СССР меняли подходы к определению наследия — оно рассматривалось сквозь призму ценностей, нуждающихся в сохранении и передаче последующим поколениям и как являющееся воплощением культурного разнообразия.

На практике реализацией этих положений стало фольклорное движение и фестивали, проходившие в различных регионах страны, в том числе в Южной Сибири. В 1980 г. в связи с 50-летним юбилеем Хакасской автономной области был восстановлен праздник Тун пайрам. Опиравшийся на традиционные ритуалы, сопровождавшие наступление лета и «обновление мира», он приобрел большую популярность и постепенно превратился в общереспубликанский «праздник дружбы народов».

Фестиваль народного творчества «Золотое лето Горного Алтая» был организован в 1988 г. Его цель заключалась в повышении роли народного художественного творчества и активизации усилий по сохранению культурного наследия. Процессы, проходившие в Южной Сибири, отвечали общей тенденции. В 1988–1991 гг. в СССР проводился масштабный фестиваль, девизом которого стала формула «Творчество народа — обновление страны». Цель мероприятия заключалась в содействии «дальнейшему подъему духовной культуры людей, развитию народного творчества, повышению его идейно-художественного уровня, улучшению деятельности учреждений культуры в организации содержательного, интересного досуга населения» (КУ РА «Госархив СПД РА»: Л. 6).

Концепт «наследия» в республиках Южной Сибири рубежа XX–XXI вв.

В России начала 1990-х годов на всех уровнях декларировались необходимость восстановления памятников истории и культуры, изучения фольклора и родных языков народов страны, развития декоративно-прикладного искусства. Проблема сохранения историко-культурного наследия занимала большое место в дискурсах о путях национального развития, на уровне регионов — в Концепции национального развития хакасского народа, в Программе по возрождению и развитию тувинской национальной традиционной культуры, в Концепции создания национальных школ в Республике Алтай. Как один из элементов корпуса культурного наследия коренных народов Южной Сибири оценивались народные художественные промыслы. При этом акцент с социально-классового понимания термина «народный» смещался в сферу этнических традиций.

В 1990 г. возникла Ассоциация «Народные художественные промыслы России». В формате Федерального закона «О народных художественных промыслах» 1999 г. утверждалась концепция коллективного освоения и преемственности в развитии традиций. К 2000-м годам были разработаны программа «Сохранения, развития и возрождения хакасских традиционных художественных промыслов и ремесел», Закон «О народных художественных промыслах» Республики Тыва, программа «Возрождение, сохранение и развитие народных художественных промыслов, традиционных народных ремесел и декоративно-прикладного творчества в Республике Алтай (2005–2010 гг.)».

В этот период в рамках национальных дискурсов в республиках Южной Сибири были сформулированы положения, утверждавшие ценность традиционных социальных институтов, знаний, ремесел и верований. Они были также реализованы в программных установках общественных организаций региона. Одновременно формировались исторические нарративы, направленные на удревнение культуры коренных тюркоязычных народов. Вся совокупность практик, воззрений, текстов, нормативных актов определяла пространство культурного наследия тюркоязычного сообщества Южной Сибири.

Концепт «наследия» в республиках Алтай, Хакасия и Тыва начал складываться с 1990-х годов. Первым субъектом, который сформировал систему охраны историко-культурного наследия, стала Республика Алтай. Здесь была принята серия нормативных документов: закон «Об историко-культурном на-

следии Республики Алтай» 1994 г., программа «Проблемы сохранения и приоритеты развития культуры Республики Алтай» 2001 г., закон «Об охране объектов культурного наследия в Республике Алтай» 2003 г., закон «О регулировании отношений в области развития нематериального культурного наследия Республики Алтай» 2008 г., закон «Об эпическом наследии Республики Алтай» 2018 г., закон «О регулировании некоторых вопросов в области нематериального этнокультурного достояния Республики Алтай и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Республики Алтай» 2022 г.

К объектам культурного наследия на Алтае были отнесены памятники, ансамбли, достопримечательные места, а также историко-культурные заповедники. Критериями выделения объектов культурного наследия стала их ценность для истории, археологии, антропологии и этнологии, важность с градостроительной и архитектурной точки зрения. В законе акцент был сделан на аутентичности и подлинности; подчеркивался факт древности; в перечень культурного наследия были включены «исторические поселения», значимые для истории и культуры Республики Алтай (Закон 2003).

Трактовка нематериального культурного наследия в нормативных документах Алтая была созвучна определению ЮНЕСКО. Объекты нематериального культурного наследия («неосязаемое наследие») обладали исторической значимостью, отличались устойчивостью форм, передавались из поколения в поколение, формируя чувство самобытности. Они были представлены как свидетельства культурного разнообразия региона, его творческого потенциала и находились под защитой государства (Закон 2008).

В этом же русле в 2011 г. республиканским правительством разрабатывался проект «Концепции по сохранению и развитию сакральных мест (священных земель), природно-культурных объектов Республики Алтай». В перечень территорий, обозначенных как национальное достояние, предлагалось включить почитаемые горы, перевалы, пересечения дорог, реки, озера, деревья, целебные источники (аржаны), места молений и исторических событий, а также родовые территории предков, обладавших сакральными знаниями. Кроме того, в проекте была обозначена категория «природно-культурных объектов» в местах расположения археологических памятников (петроглифов, курганов, каменных изваяний и пр.), которые также считались сакральными. Этот проект не был принят, но в пределах Алтая возникла сеть охраняемых территорий.

С опорой на положения действующих законов в 2012 г. был учрежден Историко-культурный заповедник республиканского значения «Алтай–Алтын тюрк–Кабай», в границах которого выделялись культурные и природные ландшафты, объекты культурного наследия (петроглифический комплекс «Калбак-Таш»). К объектам культурного наследия был отнесен историко-культурный заповедник «Межелик», созданный в 2014 г. в Курайской степи. В пояснительных документах вся территория Кош-Агачского района Республики Алтай (где он находился) была названа музеем под открытым небом.

С этими и другими зонами Алтая были связаны практики по сохранению и популяризации культурного наследия. Там проводились обряды, праздники, фестивали ремесел. В 2023 г. вышел Приказ Министерства культуры Респу-

блики Алтай «О работе по сохранению нематериального этнокультурного достояния Республики Алтай». В нем были обозначены носители наследия — этнические группы и хранители, обладающие знаниями, умениями и навыками, значимыми для защиты, актуализации и продвижения культурных практик; вводилось определение нематериального этнокультурного достояния как совокупности духовно-нравственных и культурных ценностей, отражающих образ жизни, традиции и формы их выражения, процессы воссоздания и развития. В тексте документа нематериальное этнокультурное достояние Республики Алтай рассматривалось как целостный комплекс (Приказ 2023).

В целом, по данным официальных источников, на начало 2020-х годов в реестр памятников культурного наследия Республики Алтай входили 170 объектов регионального значения; перечень объектов федерального значения включал 97 позиций — главным образом, памятников археологии. Основными видами нематериального наследия были названы традиции, исполнительские искусства, обычаи, обряды, народные праздники, знания и навыки, связанные с ремеслами — всего 21 объект.

В Республике Хакасия особое внимание уделялось археологическому наследию. В общественном дискурсе важными для сохранения назывались памятники различных археологических культур, которые формировали исторический ландшафт региона и использовались как национальные бренды. Многие из них, такие как: Большой Салбыкский курган, курган Барсучий лог, Копенский и Уйбатский чаатасы, Сулекская и Боярская писаницы — имели мировую известность. Их высокий статус был подтвержден созданием при Правительстве республики группы по координации административных и научно-образовательных структур, занимающихся популяризацией наследия.

В 2011 г. в Хакасии был составлен перечень особо ценных для хакасского народа сакральных локусов из 98 позиций. Они были определены как места, предназначенные для выполнения культовых действий в целях «взаимодействия со священными сущностями и силами». В их числе оказались почитаемые горы и перевалы, водные источники, родовые почитаемые места, археологические памятники.

Оригинальной формой презентации этих объектов в Хакасии стали музеи под открытым небом. Принципы их организации определял подход, согласно которому объекты наследия не могут быть вырваны из контекста; они должны быть вписаны в окружающий ландшафт и доступны для местных жителей, которые участвуют в трансляции наследия. Существующие в Хакасии музеи являли примеры подобной деятельности. В их пространстве при активном участии местного сообщества проводились праздники и фестивали, способствующие популяризации аутентичных культурных практик.

По данным Государственной инспекции по охране объектов культурного наследия Республики Хакасия (созданной в 2017 г.) в реестре ее культурного наследия числились около 2500 объектов, из которых около 50 были памятниками истории и культуры, остальные — памятниками археологии; более 1 тыс. из них имели федеральное значение.

В Республике Тыва основным документом, определяющим принципы охраны исторического, культурного и духовного наследия, стала Конституция, принятая в 2001 г. «Республика Тыва, — говорится в ней, — обеспечивает возрождение национальной культуры, художественного наследия, поддерживает национальные традиции и обычаи, гарантирует право на сохранение языков населяющих ее народов, создает условия для развития их национальной и культурной самобытности». Государство гарантирует сохранность памятников истории, культуры и религии; принимает меры к их возвращению из-за ее пределов (Конституция 2001).

Творческая и интеллектуальная элита Тувы в контексте формирования национальной идеологии придает большое значение сохранению традиций. С этой целью в 2008 г. Правительством Республики Тыва созданы Служба по охране объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) и Центр развития тувинской традиционной культуры и ремесел.

При формировании долгосрочной программы Центра большое внимание уделено нематериальному культурному наследию. Горловое пение (хомей) и камнерезное искусство объявлены национальным достоянием. Регулярно проходят форумы ремесленников, конкурсы музыкантов, праздники войлока, республиканский конкурс-выставка тувинского камнерезного искусства, республиканские конкурсы по деревянной резьбе, по изготовлению традиционных украшений и др.

В 2010 г. на уровне правительства обсуждался проект закона об охране сакральных объектов (священных мест) Тувы. Он должен был регулировать использование значимых для населения республики территорий, способствовать восстановлению традиций и верований. Под сакральными объектами в законе понимались элементы природного и историко-культурного ландшафта, используемые для отправления обрядов и являющиеся значимыми в смысле взаимодействия с природой. Однако по причине несоответствия федеральному законодательству он не был одобрен.

В 2013 г. были приняты законы «Об охране и использовании объектов историко-культурного наследия народов Республики Тыва» и «Об охране нематериального культурного наследия Республики Тыва». В 2018 г. в Закон Республики Тыва «О свободе совести и религиозных организациях» 1995 г. была введена статья о святых (священных) местах, подлежащих государственной охране.

В 2022 г. опыт и все многообразие мероприятий, проведенных в Республике Тыва, были обобщены в программе «Сохранение историко-культурного наследия народов Республики Тыва на 2023–2026 годы». Согласно приведенным в этой программе данным, на 2022 г. под государственной охраной в ее границах находились 1136 объектов культурного наследия; из них 790 были зарегистрированы в Едином государственном реестре объектов культурного наследия Российской Федерации — 725 объектов федерального значения и 65 регионального; большинство из них относились к археологическим памятникам. Наряду с федеральным, в республике был сформирован собственный

реестр объектов нематериального культурного наследия. Он, кроме прочего, включал знания, связанные с астрологией и экологией, воспитательные практики, кулинарные традиции, технологии обработки различных материалов, ювелирное искусство и т.д. (Программа 2022).

Заключение

Анализ концепта «культурного наследия», подходов к управлению национальным достоянием в республиках Алтай, Хакасия, Тыва и в России в целом обнаружил много общего. Очевидно, что подходы к оценке «культурного наследия» формировались в российских регионах на протяжении XX в. одновременно со становлением на международном и национальном уровнях правовых и организационных аспектов его сохранения. В масштабах Южной Сибири в своем развитии этот концепт прошел ряд трансформаций от отрицания традиций в пользу модернизации до признания их важным ресурсом и фактором развития коренных народов перед вызовами глобализации.

Начало становления концепций и режимов наследия в регионе было связано с процессами суверенизации XX в. На новый уровень этот процесс вышел с образованием республик Алтай, Хакасия, Тыва в составе Российской Федерации. К началу XXI в. оценку культурного наследия стали рассматривать как процесс наделения объектов, практик и территорий особым статусом, связанным с сохранением исторической памяти и культурной самобытности коренных народов Алтая, Хакасии, Тувы. Круг объектов, входящих в списки наследия региона, постоянно увеличивался. Особенности практик сохранения культурного наследия у тюркских народов Южной Сибири определяли: пристальное внимание к феномену нематериального культурного наследия как проявлению самобытности, ссылки на древность традиций, связь общества и культуры с освоенными, освященными памятью предков территориями.

В настоящее время наследие республик Алтай, Хакасия, Тыва рассматривается как основа самоопределения и консолидации национальных сообществ и одновременно как часть российского и, шире, мирового культурного пространства. Преемственность традиций обеспечивает целостность и устойчивость этнических и национальных сообществ; их утрата оценивается с позиций рисков.

С 2000-х годов концепт «культурного наследия» (представленного материальными и нематериальными ценностями) в республиках Южной Сибири на уровне общественно-публицистического, академического дискурса и правовых практик развивается динамично с учетом общероссийских и региональных составляющих.

Источники и материалы

- Закон Республики Алтай от 16 сентября 2003 г. № 14–16 «Об охране объектов культурного наследия в Республике Алтай. [Электронный ресурс]. http://zakon.scli.ru/ru/legal_texts/legislation_RF/index.php?do4=document&id4=08b4af1d-f751-465a-b53c-ff766607a62f
- Закон Республики Алтай от 05 декабря 2008 года № 120-РЗ «О регулировании отношений в области развития нематериального культурного наследия Республики Алтай». [Электронный ресурс]. <https://sudrf.cntd.ru/document/819079142>
- Закон Республики Тыва «Об охране нематериального культурного наследия Республики Тыва». [Электронный ресурс]. <https://docs.cntd.ru/document/453363273>
- Закон РСФСР от 15.12.1978 (ред. от 25.06.2002) «Об охране и использовании памятников истории и культуры».
- Конституция Республики Тыва. Конституция Российской Федерации. Конституции и Уставы субъектов Российской Федерации [Электронный ресурс]. http://constitution.garant.ru/DOC_28600271.htm/ (дата обращения: 03.04.09).
- Приказ от 9 февраля 2023 г. № 33-п «О работе по сохранению нематериального этнокультурного достояния Республики Алтай». Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации «Кодекс» [Электронный ресурс]. <https://docs.cntd.ru/document/406515258>
- Программа Коммунистической партии Советского Союза. М.: Изд. полит. лит, 1973.
- Программа «Сохранение историко-культурного наследия народов Республики Тыва на 2023–2026 годы» [Электронный ресурс]. http://nasledie.tuva.ru/sites/default/files/get_pdf/551.18%20КБ.pdf (дата обращения: 4.11.11).
- Сталин И. В. Национальный вопрос и ленинизм. Ответ товарищу Мешкову, Ковальчуку и другим. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1950.
- Федеральный закон от 25.06.2002 «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации». Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации «Кодекс» [Электронный ресурс]. <https://docs.cntd.ru/document/901820936>
- Федеральный закон от 20.10.2022 «О материальном этнокультурном достоянии Российской Федерации». [Электронный ресурс]. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_429409/

Литература

- Артог Ф. Типы исторического мышления: презентизм и способы восприятия времени // Отечественные записки. 2004. № 5. [Электронный ресурс]. <http://www.strana-oz.ru/2004/5>
- Веденин Ю. А. География наследия. Территориальные подходы к изучению и сохранению наследия. М.: Новый Хронограф, 2018.

- Еремин Л. В.* Музеефикация особо охраняемых территорий историко-культурного значения в Республиках Южной Сибири: конец XX — начало XXI века. Дис. ... канд. ист. наук. Томский государственный университет, Томск, 2010.
- Коган Л. Н.* Народная культура в историческом развитии системы культуры // Изучение истории культуры как системы. Новосибирск: ИИФФ, 1983.
- Козел К.* Идеология охраны памятников истории: критический анализ структуры дискурса современной политики исторического наследия // Неприкосновенный запас. 2017. № 4. С. 172–187.
- Лотман Ю. М.* Семиосфера. СПб.: «Искусство — СПб.», 2001.
- Лоуэнталь Д.* Материальное сохранение и его альтернативы // Неприкосновенный запас. 2017. № 4. С. 133–135.
- Маслов Д. В.* Локальные музеи и репрезентации этнической культуры алтайцев. Дис. ... канд. ист. наук. Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, 2017.
- Нора П., Озуф М., де Пуимеж Ж., Винок М.* Франция — память. СПб.: СПбГУ, 1999.
- Октябрьская И. В.* Концепция культурного наследия: мировой и российский опыт формирования // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2013. Т. 12, вып. 3: Археология и этнография. С. 20–31.
- Октябрьская И. В. и др.* (ред.) Искусство Тувы в музеях России. Коллекции С. К. Просвиркиной. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2021.
- Павлова Е. Ю.* Народные художественные промыслы Саяно-Алтая в контексте этнокультурного развития России. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012.
- Полякова М. А.* Охрана культурного наследия России. М.: Дрофа, 2005.
- Сагалаев А. М.* Г.Н. Потанин: опыт осмысления личности. Новосибирск: Наука: Сиб. отд-ние, 1991.
- Самушкина Е. В.* Образы прошлого ойрогов (алтайцев) в советском общественно-политическом дискурсе 1930-х гг. // Нации и этничность в гуманитарных науках. Этнические, протонациональные и национальные нарративы: формирование и репрезентация. СПб.: Алетей, 2016. С. 206–213.
- Самушкина Е. В.* Этнонациональная элита Горного Алтая: проблема формирования исторической памяти аборигенного сообщества (1917–1918 гг.) // Манускрипт. 2018. № 12–2(98). С. 263–267.
- Смит Л.* «Зеркало наследия»: нарциссическая иллюзия или множество отражений? // Вопросы музеологии. 2013. № 2 (8). С. 27–43.
- Томилов Н. А.* Созидательная деятельность музеев Омска в сфере культурного наследия народов Омского Прииртышья в последней четверти XX — начале XXI века // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2018. № 4. С. 229–236.

Ченайтене Р. Культурное наследие в глобальном мире. Вильнюс: Европейский гуманитарный университет; Институт истории Литвы, 2010.

Эник Н. Изготовление культурного наследия // Неприкосновенный запас. 2017. № 4. [Электронный ресурс]. <https://magazines.gorky.media/nz/2017/4/izgotovlenie-kulturnogo-naslediya.html>

Research Article

Samushkina E. V.

Problems of preservation of cultural heritage. The experience of the Altai Republic, the Republic of Tyva, the Republic of Khakassia [Problemy sohraneniia kul'turnogo naslediiia. Opyt Respubliki Altai, Respubliki Tyva, Respubliki Hakasiia] Anthropologies, 2024, No 2, pp. 72-87, <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2024-2/72-87>

© Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Samushkina Ekaterina Viktorovna | Khakassie@yahoo.com | <https://orcid.org/0000-0001-5481-3822> | Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

Abstract

The article is devoted to the formation and development of the concept of «cultural heritage» in the republics of Southern Siberia, the analysis of the formation of approaches to the management of cultural heritage in the region. Cultural heritage is considered as a process of granting objects, practices and territories a special status related to the preservation of historical memory and cultural identity of the indigenous peoples of Altai, Khakassia, Tuva. It is shown that the formation of legacy regimes was associated with the processes of sovereignization in the twentieth century. It reached a new level with the formation of the republics of Altai, Khakassia, and Tyva as parts of the Russian Federation. The range of objects included in the heritage lists of the region has been constantly increasing. The peculiarities of cultural heritage preservation practices were determined by: close attention to the phenomenon of intangible cultural heritage as a manifestation of identity, references to the antiquity of traditions, the connection of society and culture with the territories developed and consecrated by the memory of ancestors. Currently, the heritage of the republics of Southern Siberia is considered as the basis for self-determination and consolidation of national communities and at the same time as part of the Russian and, more broadly, the world cultural space.

Keywords: Turkic peoples of Southern Siberia, Altai Republic, Tyva, Khakassia, sovereignty, tangible and intangible cultural heritage, museum construction, sacred territories

References

Čepaitienė, R. 2010. *Kul'turnoe nasledie v global'nom mire* [Cultural Heritage in the Global World]. Vilnius: Evropeiskii gumanitarnyi universitet; Institut istorii Litvy.

Eremin, L.V. 2010. *Muzeefikatsiia osobo okhraniaemykh territorii istoriko-kul'turnogo znacheniiia v Respublikakh Iuzhnoi Sibiri: konets XX—nachalo XXI veka* [Museification of specially protected areas of historical and cultural significance in the Republics of

- Southern Siberia: the end of the XX — beginning of the XXI century]. PhD dissertation. Tomskii gosudarstvennyi universitet, Tomsk.
- Hartog, F. 2004. Tipy istoricheskogo myshleniia: prezentizm i sposoby vospriiatiia vremeni [Regimes of Historicity: Presentism and Experiences of Time]. *Otechestvennye zapiski*, 5. URL: <http://www.strana-oz.ru/2004/5>
- Heinich, N. 2017. Izgotovlenie kul'turnogo naslediiia [*The Making of Cultural Heritage*]. *Neprikosnovennyi zapas*. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2017/4/izgotovlenie-kulturnogo-naslediya.html>
- Kogan, L.N. 1983. Narodnaia kul'tura v istoricheskom razvitiu sistemy kul'tury [Folk culture in the historical development of the cultural system]. *Izuchenie istorii kul'tury kak sistemy*. Novosibirsk: Institut istorii, filologii i filosofii SO AN SSSR.
- Kozioł C., 2017. Ideologiia okhrany pamiatnikov istorii: kriticheskii analiz struktury diskursa sovremennoi politiki istoricheskogo naslediiia [*Historic Preservation Ideology: A Critical Mapping of Contemporary Heritage Policy Discourse*]. *Neprikosnovennyi zapas*, 4: 172–187.
- Lotman, Iu.M. 2001. *Semiosfera* [The Semiosphere]. St. Petersburg: «Iskusstvo — SPb».
- Lowenthal, D. Material'noe sokhranenie i ego al'ternativy [*Material Preservation and Its Alternatives*]. *Neprikosnovennyi zapas*, 4: 133–135.
- Maslov, D.V. 2017. *Lokal'nye muzei i reprezentatsii etnicheskoi kul'tury altaitsev* [Local museums and representations of the ethnic culture of the Altai people]. PhD dissertation, Moscow.
- Nora, P., Ozouf, M., de Puymège G., Winock, M. 1999. Frantsiia — pamiat' [*France. Memory*]. SPb.: Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet.
- Oktiabr'skaia, I.V. 2013. Koncepciia kul'turnogo naslediiia: mirovoi i rossiiskii opyt formirovaniia [The concept of cultural heritage: the world and Russian experience of formation]. *Vestnik NGU, Seriia: Istorii, filologiia*, 12, 3: Arkheologiia i etnografiia: 20–31.
- Oktiabr'skaia, I.V. et al. (eds.) 2021. *Iskusstvo Tuvy v muzeiakh Rossii. Kolleksiia S. K. Prosvirkinoi* [The art of Tuva in the museums of Russia. Collections of S.K. Prosvirkina]. Novosibirsk: Izdatel'stvo Instituta arkheologii i etnografii SO RAN.
- Pavlova, E. Iu. 2012. *Narodnye khudozhestvennye promysly Saiano-Altaiia v kontekste etnokul'turnogo razvitiia Rossii* [Folk arts and crafts of the Sayano-Altai in the context of the ethnocultural development of Russia]. Novosibirsk: Izdatel'stvo Instituta arkheologii i etnografii SO RAN.
- Poliakova, M.A. 2005. *Okhrana kul'turnogo naslediiia Rossii* [Protection of the cultural heritage of Russia]. Moscow: Drofa.
- Sagalaev, A.M. 1991. *G.N. Potanin: opyt osmysleniia lichnosti* [G.N. Potanin: the experience of understanding personality]. Novosibirsk: Nauka: Sibirskoe otdelenie.

- Samushkina, E.V. 2016. Obrazy proshlogo oirotov (altaitsev) v sovetskom obshchestvenno-politicheskom diskurse 1930-kh gg. [Images of the past of the Oirots (Altaians) in the Soviet socio-political discourse of the 1930s.] *Natsii i etnichnost' v gumanitarnykh naukakh. Etnicheskie, protonatsional'nye i natsional'nye narrativy: formirovanie i reprezentatsiia*. SPb.: Aleteiia: 206–213.
- Samushkina, E.V. 2018. Etnonatsional'naia elita Gornogo Altaia: problema formirovaniia istoricheskoi pamiati aborigennogo soobshchestva (1917–1918 gg.) [The ethnonational elite of the Altai Mountains: the problem of forming the historical memory of the Aboriginal community (1917–1918)]. *Manuskript*, 12, 2, 98: 263–267.
- Smith, L. 2013. «Zerkalo nasledii»: nartsissicheskaiia illiuziia ili mnozhestvo otrazhenii? [«Mirror of heritage»: narcissistic illusion or many reflections]. *Voprosy muzeologii*, 2, 8: 27–43.
- Tomilov, N.A. 2018. Sozidatel'naia deiatel'nost' muzeev Omska v sfere kul'turnogo naslediiia narodov Omskogo Priirtysh'ia v poslednei chetverti XX — nachale XXI veka [Creative activity of Omsk museums in the field of cultural heritage of the peoples of the Omsk Irtysh region in the last quarter of the XX — early XXI century]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriia Istoricheskie nauki*, 4: 229–236.
- Vedenin, Iu.A. 2018. *Geografiia naslediiia. Territorial'nye podkhody k izucheniiu i sokhraneniuiu naslediiia* [Geography of heritage. Territorial approaches to the study and preservation of heritage]. Moscow: Novyi Khronograf.

